

А. В. Баранов

Политические настроения земледельцев
казачьего Юга России в условиях
«расширения» НЭПа 1924–1926 гг.
(по материалам информационных
сводок ОГПУ)

Актуальность темы в том, что политические настроения земледельцев 1920-х годов остаются одним из дискуссионных аспектов истории советского общества. «Расширение» НЭПа (1924 – весна 1926 гг.) — этап преобразований, по которому можно судить о потенциале самоорганизации общества. Плюрализм политических настроений особенно ярко проявлялся на Юге России — в аграрном, полиэтничном регионе, где социальные конфликты и наследие гражданской войны сказывались на общественном мнении. Выбор информационных сводок ОГПУ в качестве основного источника объясняется регулярностью фиксации политических настроений, полнотой охвата тем, быстротой информирования, возможностью проследить исполнение и коррективы властных решений.

Научный анализ отдельных аспектов темы: курса «лицом к деревне» и «оживления Советов» начал проводиться в период «оттепели»¹. В работах периода «перестройки» и 1990-х годов (Ю. М. Голанда, М. Венера, В. А. Шишкина, О. А. Кужбы) созданы трактовки «расширения» НЭПа как апогея экономических и социальных преобразований². Современные исследователи стремятся осмыслить взаимодействие земледельцев и власти на основе методик исторической психологии (В. П. Булдаков³, И. С. Кузнецов⁴); коммуникативного подхода (Д. Х. Ибрагимова⁵, А. Я. Лившин⁶); истории повседневности (А. И. Рожков⁷, О. М. Морозова⁸). Сложная динамика взаимодействий власти и казачества 1920-х гг. выявляется в работах Я. А. Перехова⁹, С. А. Кислицына¹⁰, А. П. Скорика и Р. Г. Тикиджьяна¹¹. Но вос-

**Баранов Андрей
Владимирович,**
*доктор политических
наук, доктор
исторических наук,
Кубанский
государственный
университет
(Краснодар)*

приятие реформ 1924–1926 гг. крестьянами и казаками Юга России, влияние общественного мнения на местную власть изучены недостаточно.

Цель статьи — выявить этапы развития и социально-групповые различия политических настроений земледельцев казачьих регионов Юга России в условиях «расширения» НЭПа 1924–1926 гг. на основе информационных документов ОГПУ.

Хронологические рамки можно определить по направленности стратегии правящей партии — от Пленума ЦК РКП(б) 25–27 октября 1924 г., принявшего решения о либерализации аграрной политики, до заседания Оргбюро ЦК ВКП(б) 29 марта 1926 г., начавшего свертывание НЭПа¹².

Территориальные рамки включают в себя округа в составе Северо-Кавказского края, созданные в пределах бывших Донской, Кубанской и Терской областей. Репрезентативность выборки в том, что население ареала составляло 6744,4 тыс. чел. (по переписи 1926 г.), в том числе 78,1 % — сельское. Казаки в станицах Дона, Кубани и Терека насчитывали 2120,4 тыс. чел. (40,3 % сельского населения)¹³.

Источниковую основу статьи составили опубликованные информационные сводки и обзоры ОГПУ, документы Российского государственного архива социально-политической истории; Центров документации новейшей истории Ростовской области, Краснодарского и Ставропольского краев.

Один из важнейших документов по истории политических настроений в России 1920-х годов — информационные сводки и обзоры ОГПУ. Их источниковедческое исследование провел В. С. Измозик¹⁴. Составители сборников документов¹⁵ выявили содержание источника, его подвиды и оформление. В июне 1920 г. Секретный отдел ВЧК приказом установил схему сводок и сроки их предоставления. На основе уездных сводок составлялись губернские, затем — общегосударственные. Последние могли иметь разное назначение: общее либо специализированное (по текущим актуальным вопросам). В 1921 г. вводятся обобщенные «госинформсводки». Обзоры политического и экономического положения РСФСР ежемесячно составлялись в Информационном отделе ОГПУ с 1922 г. Обзоры обобщали не только ежедневные госинформсводки, но и документы Советов, профсоюзов, партийных комиссий. С 1922 г. вводятся спецсводки Информотдела ОГПУ: промышленные, земельные, финансовые, военные, партийные, кооперативные, по советскому строительству¹⁶.

Наибольшая детализация информационных документов ОГПУ, их аргументированность характерна для 1923–1927 гг. Государственный аппарат к этому времени окреп и обрел бюрократические формы. Либерализация политического режима способствовала вниманию к общественному мнению.

Для перепроверки сведений важно учитывать процедуры прохождения сведений по инстанциям. Обзоры ОГПУ всегда содержали ссылки на цитируемые госинформсводки с указанием даты и делопроизводственного номера. Ко многим обзорам прикладывалась

подборка цитат из сводок. Можно проследить путь сообщений от уровня района до общероссийского обзора.

Ценность сводок разного уровня и периодичности неодинакова. Самую подробную, но неупорядоченную информацию давали сельские и районные органы ОГПУ в ежедневных сообщениях и анкетах. Наиболее ценны еженедельные и двухнедельные сводки по районам, обзоры полномочных представительств ОГПУ по округам. В сравнении со спецсводками и ежемесячными обзорами повышена ценность госинформсводок. Они имеют отчетливую структуру, обязательное упоминание источников сведений и их датировку. Госинформсводки окружного и районного звеньев более детальны и достоверны, чем краевые и всероссийские. Наиболее содержательны и объективны еженедельные сводки округов. Ежемесячные обзоры полномочных представительств ОГПУ по краям и областям полезны в ином аспекте — они проясняют развитие общественного мнения.

Документы этнографических наблюдений анализируются по сборнику «Революция в деревне»¹⁷. Он содержит свидетельства о соотношении традиционной культуры и новаций. Полезны материалы обследований состояния станиц, проведенных партийно-государственными органами¹⁸. Анализ писем земледельцев в органы власти и газеты¹⁹, к родственникам-эмигрантам²⁰ позволяет выявить различия восприятия власти различными слоями казачества и крестьянства.

Общественное мнение может быть определено как форма массового сознания, в котором проявляется отношение индивидов и социальных групп к событиям и явлениям повседневной жизни²¹. Общественное мнение зависит от знаний индивидов и групп о политике и ее проявлениях, отношений к ним. Общественное мнение включает статичные (ценности, установки и стереотипы), а также динамичные компоненты (настроения по поводу текущих событий). Оно обуславливает типичные варианты поведения.

Динамика общественного мнения характеризуется изменениями круга значимых проблем и отношения к ним. Изменения восприятия политики зависят от уровня осведомленности индивидов и групп; уровня участия в повседневной политике и стереотипов деятельности. Соотношение общественного мнения и политических настроений можно раскрыть на основе определения Е. Ю. Зубковой. Политические настроения — это «сложный комплекс коллективных чувств, эмоций и суждений, отражающих текущие и перспективные ожидания, требования и претензии людей, а также представления о возможности их реализации в конкретной исторической ситуации. Общественные настроения, выраженные в форме оценочных суждений, выступают как общественное мнение»²². Единицами анализа являются индикаторы: суждения о фактах и явлениях, слухи, лозунги, требования, призывы. Общественное мнение относительно легально проявлялось в 1924–1926 гг. Органы власти вынуждены были учитывать общественное мнение, выбирая стратегии и тактики политики.

Выбор в пользу «расширения» НЭПа можно понять в контексте краха германской революции и одновременного кризиса сбыта в советской экономике (лето-осень 1923 г.). Именно поэтому во внутрипартийной борьбе победила группировка, взявшая курс на построение социализма в изолированном СССР. Логика развития многоукладного общества требовала раздвинуть пределы НЭПа, обеспечить защиту собственности и гражданских прав, пойти на допущение политического плюрализма.

Выбор такой стратегии требовал быстро и прочно расширить социальную базу власти, то есть пойти на серьезные уступки крестьянству. Напротив, НЭП оставался преимущественно «городской» политикой²³. Осенью 1924 г. правивший триумвират (И. В. Сталин, Г. Е. Зиновьев, Л. Б. Каменев) предложил масштабные уступки крестьянству. Н. И. Бухарин полагал, что переходное общество — целостная система, а противоречия между социальными группами неантагонистичны²⁴. При таком подходе государство негласно переходило от «диктатуры пролетариата» к «гражданскому миру», установлению союза со всем «трудовым» крестьянством. Реформы осуществлялись во всех сферах общества, а не только в отдельных аспектах аграрной политики. Поэтому точнее назвать новшества 1924–1926 гг. «расширением» НЭПа, а не более узким термином — «лицом к деревне».

Рассмотрим особенности условий реформ на Дону, Кубани и Тереке. Особенность региона, по мнению комиссии ЦК РКП(б), — то, что «методы нажима» на казачьем Юге, «где еще очень ярка память о наиболее резких периодах гражданской войны, проводились особенно решительно и жестко...»²⁵. По признанию партработника В. Ф. Черного, местные органы власти оставались военизированными и «часто в каждом жителе видели возможного изменника, не доверяя большинству населения, особенно казачьего»²⁶. Как указывал секретарь Северо-Кавказского крайкома РКП(б) А. И. Микоян, корыстное использование «диктаторских прав» приводило коммунистов к «величайшей замкнутости» и непопулярности²⁷. Докладчик на Пленуме ЦК (апрель 1925 г.) С. И. Сырцов признал: иногородние восприняли победу в гражданской войне «в таком смысле, что с казачьей властью покончено, что теперь власть наша, власть иногородних». Крестьяне стали стремиться поставить казачество в «такое же бесправное положение, в которое иногороднее население было поставлено до этого времени казачеством». Сырцов делал важный вывод: «этот антагонизм стоит и на пути нашего хозяйственного развития, стоит поперек дороги тех хозяйственных задач, которые требуют в настоящее время скорейшего замирения»²⁸. То есть предлагалась политика гражданского мира, а она требовала от власти стать арбитром в урегулировании сословных и классовых конфликтов.

Важно выяснить особенности социальной структуры казачества и «иногороднего» крестьянства. Казаки зажиточнее, но среди них (в отличие от «иногородних») преобладали середняки. В первой половине 1920-х годов сословная принадлежность не учитывалась, но тенденции расслоения можно выявить по Всесоюзной переписи 17 декабря 1926 г. и гнездовой

переписи Центрального статистического управления 1927 г. Многофакторная группировка хозяйств, проведенная Л. И. Лакизо, дает структуру казачества: 17,4 % бедняцких и батрацких, 77,3 % середняцких и 5,3 % «кулацких» семей. Состав «иностранцев»: 48,29 % бедняков и батраков; 46,41 % середняков; 5,3 % «кулаков»²⁹. Именно среди казачества в наибольшей мере выражена тенденция «осреднячивания». Статистика профессионального состава подтверждает наибольшую традиционность казачества. Казаки — наименее урбанизированная группа. Рабочие в 1926 г. составляли только 3,2 % самодеятельной части казачества. Ликвидирован в 1920 г. сословность правовыми актами, советское государство еще не могло реализовать «расказачивание» экономическими мерами. К 1925 г. казаки лишились лишь земель «нетрудового фонда», но сохраняли паевые наделы, весомо превышавшие наделы «иностранцев». Внутриселенное землеустройство проведено на 10–12 % угодий трудового пользования³⁰. Этим объясняется стойкость этносословного единства казачества, замедленная его дифференциация.

Казаки сохраняли устойчивую уверенность в своем этносословном единстве, отличающем их от остального русского населения. Официальная пропаганда «классовой борьбы» принималась за выдумку власти. Хотя монархизм подорван за десятилетие войн и революций, идеал государства для казаков — в прошлом с его общинностью, православием, трудовой зажиточностью. Традиционны и требования к местным чиновникам — деловитость, знание сельского хозяйства, жизненный опыт (даже 40-летних мужчин считали не созревшими для руководства). Характерна неприязнь хлеборобов к большинству местных коммунистов — пришлых, не владеющих местным наречием, занятых мздоимством вместо земледельческого труда³¹. Казаки стремились превратить сельские Советы в подобие станичного схода на дореволюционный лад. Земельные общества 1920-х годов (бессословные общины) тоже ограничивали власть Советов, создавая элементы двоевластия. Информационный отдел ЦК РКП(б) свидетельствовал в справке по казачьему вопросу: «Авторитет старых атаманов и командиров в массе еще непоколебим», часто звучали требования восстановить войско и даже избрать «батюшку царя»³².

Давление земледельцев на власть в 1924 г. нарастало. Наряду с экономическими требованиями зажиточные и середняцкие слои настойчиво выдвигали политические лозунги — провести реабилитацию «лишенцев», создать «Союз хлеборобов», обеспечить свободные выборы Советов. Обострились классовые и сословные конфликты, что проявилось в попытках бойкота выборов осенью 1924 г.

Качественные изменения курса начаты решениями Пленума ЦК 25–27 октября 1924 г. Предложено провести «свободные» выборы в Советы. В связи с медленным изживанием сословной розни создана комиссия ЦК РКП(б) по казачьему вопросу³³. Осторожные уступки земледельцам начались в регионе после Пленума Северо-Кавказского крайкома РКП(б) 21–24 ноября 1924 г. Поощрялось вовлечение беспартийных в работу Советов. Секретарь

крайкома А. И. Микоян заявил, что «нужно тактически отказаться» от противопоставления крестьян казакам³⁴. А. П. Смирнов и В. В. Куйбышев потребовали ограничить притеснения «кулачества», от которого надо отличать старательных середняков³⁵.

29 декабря 1924 г. Президиум ЦИК СССР постановил провести повторные выборы в местностях, где нарушался порядок голосования или явка граждан ниже 35 %. По ходатайству Северо-Кавказского крайисполкома Президиум ВЦИК РСФСР 26 января 1925 г. амнистировал репатриантов и значительную (до 40 %) часть «лишенцев»³⁶. При исполкомах Советов создавались комиссии по амнистии. По новой инструкции о выборах земледельцы включены в состав избирательных комиссий, запрещены безальтернативные списки кандидатов.

Перевыборы местных Советов (февраль – март 1925 г.) прошли при невиданной активности хлеборобов, прежде всего — их казачьей части. Явка сельских избирателей в крае выросла с 30,3 до 40,6 %. Резко сократилось участие в станичных Советах: большевиков (с 27,2 до 10,2 %), служащих и интеллигентов (с 18,9 до 11,0 %), «иногородних» крестьян (с 72,0 до 51,9 %). Расширилось представительство беспартийных казаков (с 28,0 до 48,1 %), середняков (с 37,9 до 48,1 %) и зажиточных (с 0,4 до 6,7 %)³⁷. Только система косвенных выборов и процедурные уловки позволили РКП(б) сохранить контроль над районным звеном Советов.

Анализ отчетов об избирательной кампании 1925 г., выступлений на совещаниях по советскому строительству приводит к выводу: ядром оппозиции были подпольные группы. Они состояли из «лишенцев» — офицеров, зажиточных хлеборобов, репатриантов, священнослужителей и учителей. Группы вели открытую агитацию на станичных сходах и предвыборных собраниях, сплывая основную массу середняков и все казачество на почве недовольства местной властью. Как отмечал заместитель председателя Донского окружного исполкома Советов Шаповалов, «беднейшие казаки по невежеству и под влиянием также проникнуты сословной враждой... Коренных разногласий зажиточных казаков с беднейшими, которые приводили бы к открытым столкновениям, не наблюдалось». Зажиточные иногородние «миры и дружелюбны» с казаками³⁸.

Требования казаков, выраженные на сходах и предвыборных собраниях, — конституционное равенство прав земледельцев с рабочими, реабилитация политзаключенных и «лишенцев», свобода участия и выборов в кооперации, свобода внешней торговли, роспуск крестьянских комитетов общественной взаимопомощи (в них казаки составляли 20 %). Казаки соглашались с равноправием коренных крестьян, а вину во всех бедах коммунистов и недавних переселенцев³⁹. Часто сходы постановляли выселить «иногородних» из станиц, лишить их прав голоса и землепользования (в станицах Полтавской и Тимашевской на Кубани, в станицах Кисловодской, Прикумской и Арзгире на Тереке и т. д.). Спор шел только о том, какой ценз оседлости установить — с 1918, 1914 или 1861 г.⁴⁰ Между середняками

и зажиточными казаками существовали расхождения в понимании задач. Если середняки искренне агитировали за «деловых людей» и «красного атамана», надеялись создать «настоящую советскую власть», то зажиточные использовали советы как переходную форму к атаманскому правлению.

На первых порах преобладали ожидания отмены Конституции СССР и восстановления дореволюционного строя. Казаки выражали уверенность в новых уступках: «В прошлом году кинжалы разрешили, шашки разрешили, форма будет, значит, и автономия будет... Дон для донцов!»⁴¹ Так, старожилы станицы Терновской считали себя хозяевами положения, надеясь на следующих выборах захватить власть во всем Кубанском округе и объявить его автономным. Советы станиц Новоминской, Кисловодской, Прикумской и многих других приняли решения отказать иногородним в землеустройстве, принимать их только с одобрения схода и по заявлению⁴². В станицах Полтавской, Тимашевской, Терновской вынесены постановления советов выселить «в Россию» всех иногородних, взять в свои руки райисполкомы⁴³. Совет станицы Ивановской дал наказ своим депутатам добиться от районного съезда права казаков носить оружие. Рукописные газеты с призывом к РКП(б) не мешать выборам атаманов издавались в станицах Вышестеблиевской и Екатерининской⁴⁴. Атаманы и другие должностные лица прежнего самоуправления возглавили советы станиц Новопокровской, Богачевской, Некрасовской, Луковской, Александровской⁴⁵. Они пытались явочным порядком изменить функции советов: придать им судебные права, распределять угоды «по паям», высылать из станиц за проступки.

Первые итоги реформ проведены на Пленуме ЦК и XIV Всероссийской конференции РКП(б) в апреле 1925 г. Политические преобразования дополнены хозяйственными. Разрешена сдача земли в аренду на 12 лет и выделение семей из общины на хутора, узаконен найм батраков. Сельскохозяйственный налог снижен на 40 %, сделан более гибким с учетом региональных и отраслевых особенностей. «Кулаки» получили право участвовать в кооперации. Свернута убыточная господдержка колхозов и совхозов. Основными плодами уступок воспользовались именно середняки⁴⁶. В апреле 1925 г. принята резолюция Пленума ЦК РКП(б) по казачьему вопросу, запретившая насильственные формы уничтожения сословности. Казаки получили право служить в РККА. В решениях региональных органов власти за январь – август 1925 г. определена линия на закрепление сотрудничества всех трудящихся, в том числе казачества⁴⁷.

Казаки встретили создание территориальных воинских частей с воодушевлением, поскольку эта служба соответствовала многовековому образу жизни. По данным крайисполкома, к августу 1925 г. среди данной категории военнослужащих казаки составляли 57,5 %. По социальному положению 93 % из них — земледельцы (1,8 % — зажиточные, 2,5 % — батраки, 38,5 % — бедняки и 57 % — середняки) и только 5 % — рабочие⁴⁸. Наибольшее участие казаков, в том числе служивших у белых, отмечено в кавалерийских частях, куда шли с

особым рвением⁴⁹. Поскольку состав бойцов зависел от обладания личными верховыми лошадьми, облик переменников определяли середняки. Влияли на призыв и старики-казаки, привлеченные к работе в военных комиссиях советов. В некоторых частях явочным порядком поощрялись дореволюционные воинские чины, песни, традиционная форма⁵⁰.

Повсеместно казаки расценивали «оживление Советов» как признак слабости — «теперь коммунисты пойдут на какие угодно уступки». Например, казаки станицы Терновской считали себя хозяевами положения, надеясь на следующих выборах захватить власть во всем Кубанском округе и объявить его автономным. В станицах Вышестеблиевской и Екатериновской издавались рукописные газеты с призывом к коммунистам не мешать выборам атаманов⁵¹. В станицах Лысогорской и Ессентукской казаки использовали празднование 100-летия станиц для пропаганды, провели в состав юбилейной комиссии бывших атаманов и повстанцев. Интеллигенция, нэпманы и казаки г. Ессентуки добились решения ВЦИК о переводе города в статус станицы, чтобы вернуть себе муниципализированные здания. Эти действия маскировались советской фразеологией⁵².

Созданные в подполье предвыборные группы стремились передать функции сельсоветов земельным обществам, легализовать свое влияние. Для этого выдвигался лозунг защиты погранных прав казачества. Зажиточные добивались отказа в наделении землей либо всех иногородних, либо поселившихся в станицах после 1918 г. Во многих терских станицах произошли драки казаков с крестьянами из-за передела угодий⁵³. «Правый лагерь» станицы 1920-х гг. сохранял верность идее сильной личной власти⁵⁴.

Иногородние бедняки, особенно бывшие красные партизаны и красноармейцы, были ошеломлены исходом выборов 1925 г. и всеми мерами «расширения» НЭПа. Они проявляли экстремизм, выступая за «прежнюю власть», при которой РКП(б) «держала в ежовых рукавицах» Советы и кулачество. Показательны суждения: «Нас партия обратно отдает на съедение кулакам... За что мы воевали. Чересчур много прав дают казакам». Многие крестьяне предлагали «уйти в камыши и оттуда вести борьбу с кулаками», вновь запретить ношение казачьей формы, выслать из края бывших атаманов и членов Кубанской рады⁵⁵. 300 бедняков станицы Анастасиевской на своем собрании одобрительно встретили выкрики: «Дайте нам приказ убить по двадцать человек казаков и кулаков на каждого... Мы их все равно помаленьку вырежем». Там же демобилизованные красноармейцы избили партийцев с криками: «Бей царей и коммунистов, защитников казачества»⁵⁶. Подъем недовольства был ситуативным, и по мере свертывания реформ бедняки возобновляли доверие к власти.

Сообщения с мест в начале 1926 г. подтверждали убыль сословных и классовых конфликтов. Крайисполком признал, что призывы вроде «долой иногородних» или «долой казачество» уже не привлекательны⁵⁷. «В перевыборах 1926 г. социальное деление выступало гораздо отчетливее сословного... и обострений на почве сословной было значительно

меньше»⁵⁸. Даже зажиточные казаки стремились облечь требования в «советскую» форму и избегали лобовых конфликтов. Так, в станице Наурской казаки единогласно поддержали список кандидатов на районный съезд, выдвинутый партийцами⁵⁹.

Середняки – крестьяне и казаки вошли во вкус мирной жизни и желали улучшить советскую систему, а не ломать ее. Приведем типичные суждения из писем к эмигрантам: «Легче стало дышать. К власти имущим мы привыкли, да и они к нам тоже». «Вы спрашиваете, казаки мы на Дону или крестьяне?... Как были казаки, так и есть. Правим сами по-казачьи»⁶⁰.

Но проявлялась и нетерпимость, разочарование в реформах. Многие депутаты от оппозиции убеждались в бессилии решать важнейшие вопросы. Кулак станицы Прикумской заявил: «Если коммунисты нас не будут слушать, то мы бросим работать и уйдем из совета»⁶¹. Донской казак писал брату за рубежом: «Хоть понемногу и попускают нам, казакам, поводок, ну это для нас недостаточно... Нас хоть куда, так мы все равно по-своему все сделаем, за это нас не любят нигде»⁶². Такие мнения характерны для зажиточного слоя.

Опыт преобразований дал свидетельства неприятия либерализации на всех уровнях власти. Реформы при опоре на «партийно-советский аппарат» остались шаткими. Чиновники не поняли и не приняли перемены. Реформы могли постепенно подорвать власть РКП(б). Поэтому наметился курс свертывания НЭПа. Используя конъюнктурные затруднения в хлебозаготовках, Пленум ЦК РКП(б) в октябре 1925 г. настоял на создании групп бедноты и восстановлении льгот для колхозов. Новая линия вырисовалась в реплике И. В. Сталина: «Мы все против расширения НЭПа» и речи В. М. Молотова⁶³. Устанавливается директивное ценообразование для государственных и частных хлебозаготовителей; вводятся заградительные отряды на транспорте; распускаются комиссии по амнистии. В начале 1926 г. ужесточается инструкция о выборах Советов, сокращено государственное кредитование частных и кооперативных предприятий. Один из показательных ударов ЦК нанес по руководству Кубанского округа. Комиссия во главе с Эр. И. Квингом поставила в вину окружному комитету ВКП(б) «увлечение самостоятельностью беспартийных и казаков», забвение работы с беднейшим крестьянством, провал на выборах⁶⁴.

Переломным в постепенном отказе от «расширения НЭПа» стало заседание Оргбюро ЦК 29 марта 1926 г., в итоге которого повышен сельскохозяйственный налог, ужесточен курс в отношении кооперации, возобновлены льготы колхозам⁶⁵. Сдвиг политики к нетерпимости вызван не только объективной слабостью реформ, но и обстоятельствами борьбы за власть внутри партийной элиты.

По мере ужесточения официальной политики к осени 1926 г. в общественном мнении вновь зазвучали призывы казаков создать демократическую республику Советов «без иногородних и коммунистов», установить автономию своих областей. Радикализация политических настроений, закрывшая возможности гражданского мира, стала следствием свертывания НЭПа.

Выводы статьи таковы. Особенности «расширения» НЭПа на Юге России обусловлены аграрностью, казачьими традициями региона, затяжным и жестоким характером гражданской войны. Специфика реформ включала в себя экономические меры (разрешение долгосрочной аренды, ограничения государственного вмешательства в кооперативное движение, гибкую ценовую и налоговую политику). В социальном аспекте союз государства с середняками означал во многом союз с «трудовым» казачеством, допущение его этнокультурных традиций, дистанцирование власти от беднейшего крестьянства и его революционного экстремизма. В политическом аспекте избирательная реформа и амнистия «лишенцев» привели к самоорганизации оппозиции на местном уровне. Курс «расширения» НЭПа не имел достаточно прочной политической опоры, что вызвало его скорое крушение.

Политические настроения земледельцев Юга России 1920-х годов формировались вследствие трех взаимосвязанных конфликтов: между сельским населением в целом и партийно-государственной властью, между этносословными группами (казаками и «иногородними» крестьянами), между социально-имущественными слоями хлеборобов. Сохранение этносоциальной идентичности казачества порождало сходство оппозиционных настроений всех его имущественных групп, а настроения «иногородних» определялись, прежде всего, их имущественным расслоением.

Политические настроения социальных слоев земледельцев значительно зависели от их статуса. «Рыночно-демократический» тип общественного мнения отмечен среди предпринимательского слоя казаков и крестьян. Они выступали за рыночное хозяйство и демократическую политическую систему (многопартийность, свободы слова и печати, альтернативные выборы), желали стабильных законов. Их стремление — обогащаться за счет индивидуального хозяйства и свободной торговли, без государственного произвола. Данные слои, будучи наиболее грамотными, формулировали политические лозунги оппозиции.

«Общинно-социалистический» тип имел наибольшее распространение в середняцком и трудовом зажиточном слоях, недовольных «перегибами» местной политики. Он связан и с традиционными установками (религиозность, жалобы на цены и налоги) и с модернизационными (поддержка просвещения, готовность делать карьеру), с базовыми ценностями хлеборобов (идеал «честного вольного труда на своей земле»).

«Уравнительно-коммунистический» тип присущ батракам, беднякам, красноармейцам с их неукорененностью в станицах, малообразованностью. Характерны пренебрежение к частной собственности, требования повысить налоги для зажиточных и отменить привилегии «бюрократов», надежды на государство и колхозы. Проявлялись ненависть к НЭПу, желание «очистить власть от взяточников». Спектр отношений к власти — от призывов к «третьей революции» до ревностной поддержки. Оппозиционность сочеталась с требованиями установить «твердую власть».

Общественное мнение всех групп земледельцев сходно в идеологизированном восприятии власти и высокой конфликтности. Гражданская война обострила традиционные детерминанты поведения: культ насилия, пренебрежение законами, нетерпимость, дуалистическое восприятие мира («свои» — «враги»).

¹ *Перехов Я. А.* Политика Коммунистической партии по вовлечению казачества Дона и Кубани в социалистическое строительство (1920–1925 гг.): Дис. ... канд. ист. наук. Ростов н/Д, 1966; *Щетнёв В. Е.* Классовая борьба в кубанской станице (1920–1927 гг.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1968.

² *Шишкин В. А.* Власть. Политика. Экономика: Послереволюционная Россия (1917–1928 гг.). СПб., 1997. С. 332–338; *Венер М.* Лицом к деревне: Советская власть и крестьянский вопрос (1924–1925 гг.) // Отечественная история. 1993. № 5. С. 86–107; *Кужба О. А.* Местные органы власти в 1925–1927 годах // НЭП: Завершающая стадия. М., 1998. С. 160–172.

³ *Булдаков В. П.* Утопия, агрессия, власть. Психосоциальная динамика постреволюционного времени. Россия, 1920–1930. М., 2012.

⁴ *Кузнецов И. С.* Социальная психология сибирского крестьянства в 1920-е годы. Новосибирск, 1992.

⁵ *Ибрагимова Д. Х.* НЭП и Перестройка: массовое сознание сельского населения в условиях перехода к рынку. М., 1997.

⁶ *Лившин А. Я.* Настроения и политические эмоции в Советской России: 1917–1932 гг. М., 2010.

⁷ *Рожков А. Ю.* В кругу сверстников: жизненный мир молодого человека в Советской России 1920-х годов: В 2 т. Краснодар, 2002.

⁸ *Морозова О. М.* Два акта драмы: боевое прошлое и послевоенная повседневность ветеранов Гражданской войны. Ростов н/Д, 2010.

⁹ *Перехов Я. А.* Власть и казачество: поиск согласия (1920–1926 гг.). Ростов н/Д, 1997.

¹⁰ *Кислицын С. А.* Государство и расказачивание. 1917–1945 гг. Ростов н/Д, 1996.

¹¹ *Скорик А. П., Тикиджьян Р. Г.* Донцы в 1920-х годах: очерки истории. Ростов н/Д, 2010.

¹² *Баранов А. В.* «Расширение» НЭПа в 1924–1925 годах (К оценке кульминационного этапа преобразований) // Россия в XX веке: Реформы и революции. М., 2002. Т. 2. С. 117–123.

¹³ Казачество Северо-Кавказского края. Итоги переписи населения 1926 г. Ростов н/Д, 1928. С. 3–11.

¹⁴ *Измозик В. С.* Глаза и уши режима: Государственный политический контроль за населением Советской России в 1918–1928 гг. СПб., 1995.

¹⁵ Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД. 1918–1939. Документы и материалы: В 4 т. Т. 2. 1923–1929 / Под ред. А. Береловича, В. П. Данилова. М., 2000; «Совершенно секретно»: Лубянка — Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.) / Ред. совет: Г. Н. Севостьянов и др. М., 2001. Т. 2–4.

¹⁶ Советская деревня... Т. 1. С. 12.

¹⁷ Революция в деревне: Очерки / Под ред. В. Г. Тана-Богораза. М.; Л., 1925.

¹⁸ *Горюнов П.* О казачьем вопросе (Из наблюдений и опыта работы по Ейскому району Донского округа). Новочеркасск, 1925. С. 18; Кубанская станица на выборах в Советы. Март 1925 г. Краснодар, 1925. С. 5–11.

¹⁹ Письма во власть. 1917–1927 гг.: Заявления, жалобы, доносы, письма в государственные структуры и большевистским вождям / Отв. ред. А. К. Соколов. М., 1998.

- ²⁰ Крестная ноша: Трагедия казачества / Собр. В. С. Сидоров. Ростов н/Д, 1994. Ч. I; Информационный листок Объединенного совета Дона, Кубани и Терека. Париж, 1924. №10. С. 18–22, 15.
- ²¹ Гавра Д. П. Общественное мнение как социологическая категория и как социальный институт. СПб., 1995. С. 63.
- ²² Зубкова Е. Ю. Общественные настроения в послевоенной России 1945–1953 гг. Автореф. дисс. ... д-ра ист. наук. М., 2000. С. 6.
- ²³ Информационный листок Объединенного совета Дона, Кубани и Терека. Париж, 1924. № 10. С. 18–22, 15.
- ²⁴ Бухарин Н. И. Избранные произведения. М., 1988. С. 62–63, 72, 77, 79; Пятый Всемирный конгресс Коммунистического Интернационала: Стеногр. отчет. М.; Л., 1925. Ч. 2. С. 79–80.
- ²⁵ Российский государственный архив социально-политической истории (далее — РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 68. Д. 274. Л. 180.
- ²⁶ Черный В. Ф. Первое пятилетие советской Кубани // Красное знамя. Краснодар, 1925. 21 марта.
- ²⁷ Центр документации Новейшей истории Ростовской области (далее — ЦДНИРО). Ф. 7. Оп. 1. Д. 195. Л. 18–23.
- ²⁸ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 172. Л. 92–94.
- ²⁹ Всесоюзная перепись населения 1926 года. Северо-Кавказский край. Отд. 2. М., 1929. С. 57, 202–203, 224–225; Лакизо Л. И. Характеристика кулачества северокавказской деревни (По материалам Всесоюзной переписи населения 1926 г.) // Изв. Сев.-Кав. науч. центра высш. школы. Обществ. науки. Ростов н/Д, 1980. №4. С. 60–61.
- ³⁰ ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 93. Л. 124, 125, 130, 131.
- ³¹ Государственный Архив Российской Федерации (далее — ГАРФ). Ф. 1235. Оп. 103. Д. 696. Л. 126; Горюнов П. О казачьем вопросе... С. 18–21, 25.
- ³² Государственный архив Ростовской области (далее — ГАРО). Ф. Р-1485. Оп. 1. Д. 224. Л. 110.
- ³³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 150. Л. 57, 67.
- ³⁴ ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 8. Л. 79; Д. 6. Л. 28.
- ³⁵ ГАРО. Ф. Р-1485. Оп. 1. Д. 3. Л. 41-50; Молот. Ростов н/Д, 1924. 23 декабря.
- ³⁶ Избирательная кампания в Советы РСФСР. М., 1925. Вып. 2. С. 11; ГАРО. Ф. Р-1485. Оп. 1. Д. 8. Л. 14–16 об.
- ³⁷ ГАРО. Ф. Р-1485. Оп. 1. Д. 224. Л. 9.
- ³⁸ Там же. Д. 628. Л. 9.
- ³⁹ ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 215. Л. 37, 124; Д. 595. Л. 555–557.
- ⁴⁰ Центр документации Новейшей истории Краснодарского края (далее — ЦДНИКК). Ф. 8. Оп. 1. Д. 114. Л. 109; Центр документации Новейшей истории Ставропольского края (далее — ЦДНИСК). Ф. 5938. Оп. 1. Д. 12. Л. 219–221.
- ⁴¹ ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 103. Д. 696. Л. 126.
- ⁴² Семенов А. Советская деревня после перевыборов в Советы // Северо-Кавказский край. Ростов н/Д, 1925. № 7. С. 122; ЦДНИСК. Ф. 5938. Оп. 1. Д. 217. Л. 219–221.
- ⁴³ ЦДНИКК. Ф. 8. Оп. 1. Д. 114. Л. 109.
- ⁴⁴ Кубанская станица на выборах в Советы ... С. 7–29.
- ⁴⁵ ЦДНИСК. Ф. 5938. Оп. 1. Д. 12. Л. 261–265; Семенов А. Советская деревня после перевыборов в Советы. С. 121.
- ⁴⁶ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций, пленумов ЦК. М., 1982. Т. 3. С. 341–348; ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 456. Л. 7; Статистический справочник по Северо-Кавказскому краю. Ростов н/Д, 1930. С. 622–623.
- ⁴⁷ ГАРО. Ф. Р-1485. Оп. 1. Д. 241. Л. 1–3; ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 8. Л. 244, 251.
- ⁴⁸ ГАРО. Ф. Р-1485. Оп. 1. Д. 250. Л. 244.
- ⁴⁹ ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 200. Л. 91.

- ⁵⁰ Куценко И. Я. Кубанское казачество. 2-е изд. Краснодар, 1993. С. 450.
- ⁵¹ ЦДНИКК. Ф. 8. Оп. 1. Д. 114. Л. 109; Д. 110. Л. 48; *Квириг Эр. И.* Перевыборы Советов на Кубани // *Большевик*. 1926. № 7–8. С. 56–67.
- ⁵² ЦДНИСК. Ф. 5938. Оп. 1. Д. 1. Л. 136–138; Д. 12. Л. 139. Д. 12. Л. 120–124.
- ⁵³ Там же. Ф. 8. Оп. 1. Д. 117. Л. 48; ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 215. Л. 42; ЦДНИСК. Ф. 5938. Оп. 1. Д. 2. Л. 174; Д. 12. Л. 171, 282.
- ⁵⁴ На Терек // Информационный листок Объединенного совета Дона, Кубани и Терека. 1925. № 12. С. 21–22; *Правда*. 1925. 27 июня; Кубанская станица... С. 14.
- ⁵⁵ ЦДНИКК. Ф. 2816. Оп. 1. Д. 52. Л. 39; Ф. 8. Оп. 1. Д. 32. Л. 127; Д. 114. Л. 75 об., 149; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 69. Д. 51. Л. 4.
- ⁵⁶ ЦДНИКК. Ф. 8. Оп. 1. Д. 88. Л. 55 об.; ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 95. Л. 83–84 об.
- ⁵⁷ ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 104. Д. 735. Л. 373; Д. 112. Л. 119.
- ⁵⁸ ГАРО. Ф. Р–1485. Оп. 1. Д. 250. Л. 244.
- ⁵⁹ ЦДНИСК. Ф. 5938. Оп. 1. Д. 21. Л. 124.
- ⁶⁰ Крестная ноша... Ч. 1. С. 34, 35, 42, 41.
- ⁶¹ ЦДНИСК. Ф. 5938. Оп. 1. Д. 13. Л. 120–124; Д. 4. Л. 82–82 об.; Д. 21. Л. 73.
- ⁶² Крестная ноша... С. 41–42, 31, 34.
- ⁶³ *Сталин И. В.* Соч. М., 1949. Т. 7. С. 357; КПСС в резолюциях... Т. 3. С. 231–232.
- ⁶⁴ ЦДНИКК. Ф. 8. Оп. 1. Д. 208. Л. 10–13 об.
- ⁶⁵ Там же.

Baranov A. V. The Political Mood of the Peasantry in the Cossack Regions of Southern Russia During the NEP "Extension", 1924–1926 (on the Basis of OGPU Information Digests)

ABSTRACT: The article analyzes popular sentiments among the Cossack peasantry in the Russian South during the last years of NEP "Extension" (1924–1926) and how they changed over time. uses OGPU archival documents to identify different political attitudes among different social groups.

KEYWORDS: political mood, growers, NEP "Extension", Cossacks, South Russia, OGPU Information Reports.

AUTHOR: Doctor of History, Doctor of Political Science, Kuban State University (Krasnodar); baranovandrew@mail.ru

REFERENCES:

- ¹ *Perekhov Ia. A.* Politika Kommunisticheskoi partii po vovlecheniiu kazachestva Dona i Kubani v sotcialisticheskoe stroitelstvo (1920–1925 gg.): Dis. ... kand. ist. nauk. Rostov-na-Dony, 1966.
- ² *Shchetnev V. E.* Klassovaia borba v kubanskoj stanitse (1920–1927 gg.): Avtoref. dis. ...kand. ist. nauk. Moscow, 1968.
- ³ *Shishkin V. A.* Vlast. Politika. Ekonomika: Poslerevoliucionnaia Rossiia (1917–1928 gg.). St. Petersburg, 1997.
- ⁴ *Vener M.* Litcom k derevne: Sovetskaia vlast i krestianskii vopros (1924–1925 gg.) // *Otechestvennaia istoriia*. 1993. N 5.
- ⁵ *Kuzhba O. A.* Mestnye organy vlasti v 1925–1927 godakh // NEP: Zavershaiushchaia stadiia. Moscow, 1998.
- ⁶ *Buldakov V. P.* Utopiia, agressiia, vlast. Psikhosotcialnaia dinamika postrevoliucionnogo vremeni. Rossiia, 1920–1930.

Moscow, 2012.

- ⁷ *Kuznetsov I. S.* *Sotsialnaia psikhologiiia sibirskogo krestianstva v 1920-e gody.* Novosibirsk, 1992.
- ⁸ *Ibragimova D. Kh.* *NEP i Perestroika: massovoe soznanie selskogo naseleniia v usloviakh perekhoda k rynku.* Moscow, 1997.
- ⁹ *Livshin A. Ia.* *Nastroeniia i politicheskie emotcii v Sovetskoii Rossii: 1917–1932 gg.* Moscow, 2010.
- ¹⁰ *Rozhkov A. Iu.* *V krugu sverstnikov: zhiznenni mir mladogo cheloveka v Sovetskoii Rossii 1920-kh godov: V 2 t.* Krasnodar, 2002.
- ¹¹ *Morozova O. M.* *Dva akta dramy: boevoe proshloe i poslevoennaia povsednevnost veteranov Grazhdanskoi voiny.* Rostov-na-Donu, 2010.
- ¹² *Perekhov Ia. A.* *Vlast i kazachestvo: poisk soglasiia (1920–1926 gg.).* Rostov-na-Donu, 1997.
- ¹³ *Kislitsyn S. A.* *Gosudarstvo i raskazachivanie. 1917–1945 gg.* Rostov-na-Donu, 1996.
- ¹⁴ *Skorik A. P., Tikidzhian R. G.* *Dontcy v 1920-kh godakh: ocherki istorii.* Rostov-na-Donu, 2010.
- ¹⁵ *Baranov A. V.* *“Rasshirenie” NEPa v 1924–1925 godakh (K otcenke kulminatsionnogo etapa preobrazovaniia) // Rossiia v XX veke: Reformy i revoliutcii.* Moscow, 2002. Vol. 2.
- ¹⁶ *Kazachestvo Severo-Kavkazskogo kraia. Itogi perepisi naseleniia 1926 g.* Rostov-na-Donu, 1928.
- ¹⁷ *Izmozik V. S.* *Glaza i ushi rezhima: Gosudarstvennyi politicheskii kontrol za naseleniem Sovetskoii Rossii v 1918–1928 gg.* St. Petersburg, 1995.
- ¹⁸ *Sovetskaia derevnia glazami VCHK–OGPU–NKVD. 1918–1939. Dokumenty i materialy: V 4 t. Vol. 2. 1923–1929 / Pod red. A. Berelovicha, V. P. Danilova.* Moscow, 2000.
- ¹⁹ *“Sovershenno sekretno”: Lubianka — Stalinu o polozhenii v strane (1922–1934 gg.) / Red. sovet: G. N. Sevostianov i dr.* Moscow, 2001. Vol. 2–4.
- ²⁰ *Revoliutciia v derevne: Ocherki / Pod red. V. G. Tana-Bogoraza.* Moscow; Leningrad, 1925.
- ²¹ *Goriunov P. O kazachem voprose (Iz nabliudeni i opyta raboty po Eiskomu raionu Donskogo okruga).* Novocherkassk, 1925.
- ²² *Kubanskaia stanitca na vyborakh v Sovety. Mart 1925 g.* Krasnodar, 1925.
- ²³ *Pisma vo vlast. 1917–1927 gg.: Zaiavleniia, zhaloby, donosy, pisma v gosudarstvennye struktury i bolshevistskim vozhdiam / Otv. red. A. K. Sokolov.* Moscow, 1998.
- ²⁴ *Krestnaia nosha: Tragediia kazachestva / Sobr. V. S. Sidorov.* Rostov-na-Donu, 1994. P. I.
- ²⁵ *Informatcionnyi listok Obedinennogo soveta Dona, Kubani i Tereka.* Paris, 1924. N 10, 12.
- ²⁶ *Gavra D. P.* *Obshchestvennoe mnenie kak sotciologicheskaia kategoriia i kak sotcialnyi institut.* St. Petersburg, 1995.
- ²⁷ *Zubkova E. Iu.* *Obshchestvennye nastroiia v poslevoennoi Rossii 1945–1953 gg. Avtoref. diss. ... d-ra ist. nauk.* Moscow, 2000.
- ²⁸ *Bukharin N. I.* *Izbrannye proizvedeniia.* Moscow, 1988.
- ²⁹ *Piatyi Vsemirnyi kongress Kommunisticheskogo Internatsionala: Stenogr. otchet.* Moscow; Leningrad, 1925. P. 2.
- ³⁰ *Russian State Archive of Social and Political History.*
- ³¹ *Chernyi V. F.* *Pervoe piatiletie sovetskoii Kubani // Krasnoe znamia (Krasnodar). 1925. 21 March.*
- ³² *Modern history of Rostov region documentation center.*
- ³³ *Vsesoiuznaia perepisi naseleniia 1926 goda. Severo-Kavkazskii kraii. Otd. 2.* Moscow, 1929.
- ³⁴ *Lakizo L. I.* *Kharakteristika kulachestva severokavkazskoi derevni (Po materialam Vsesoiuznoi perepisi naseleniia 1926 g.) // Izv. Sev.-Kav. nauch. tcentra vyssh. shkoly. Obshchestv. nauki.* Rostov-na-Donu, 1980. N 4.
- ³⁵ *Russian Federation State Archive.*
- ³⁶ *Rostov region State Archive.*
- ³⁷ *Molot (Rostov-na-Donu). 1924. 23 December.*
- ³⁸ *Izbitatelnaia kampaniia v Sovety RSFSR.* Moscow, 1925. Iss. 2.
- ³⁹ *Modern history of Krasnodar region documentation center.*
- ⁴⁰ *Modern history of Stavropol region documentation center.*
- ⁴¹ *Semenov A.* *Sovetskaia derevnia posle perevyborov v Sovety // Severo-Kavkazskii kraii (Rostov-na-Donu). 1925. N 7.*
- ⁴² *KPSS v rezoliutciakh i resheniakh sezdov, konferentsii, plenumov TCK.* Moscow, 1982. Vol. 3.
- ⁴³ *Statisticheskii spravochnik po Severo-Kavkazskomu kraiu.* Rostov-na-Donu, 1930.
- ⁴⁴ *Kutchenko I. Ia.* *Kubanskoe kazachestvo. 2-e izd.* Krasnodar, 1993.
- ⁴⁵ *Kvirning Er. I.* *Perevybory Sovetov na Kubani // Bolshevik.* 1926. N 7–8.
- ⁴⁶ *Pravda.* 1925. 27 June.
- ⁴⁷ *Stalin I. V. Soch.* Moscow, 1949. Vol. 7.